

Джейме
Баллард

Ψ

Джеймс Грэм Баллард
Здесь было море

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155473

Джеймс Баллард

Здесь было море

И опять его разбудил ночной шум наступающего моря – смутный, глухой рык передовых валов, кидающихся в ближние переулки, чтобы, жадно облизав их, медленно откатиться назад. Выбежав наружу, в лунный свет, Мейсон увидел белые остовы соседних домов, склепами торчащие посреди чисто промытых асфальтированных дворов, а за ними – ярдах в двухстах – вольное бурление вод на мостовой. У штакетника заборов волны вскипали пеной и брызгами, наполняя воздух водяной пылью и резким, терпким, пьянящим запахом йода и соли – запахом моря.

А дальше был открытый простор, где длинные валы перекатывались через кровли затонувших домов и несколько печных труб мелькали в белизне гребней. Холодная пена ужалила босые ноги Мейсона, и он, отпрянув, оглянулся на дом, в котором безмятежно спала его жена. Каждую ночь море – змеиношипящая гильотина – подползало к их пристанищу все ближе и ближе, методично отвоевывая у суши по нескольку пядей ухоженной лужайки.

Около получаса Мейсон зачарованно следил, как танцующие волны люминесцируют над городскими крышами, отбрасывая слабо светящийся нимб на темные тучи, летящие

по ветру. Взглянув на руки, он заметил, что они тоже источают тусклое восковое сияние.

Наконец пучина пошла на попятную. Глубокий, наполненный внутренним светом водоворот покатился вниз, открывая лунному оку таинство пустынных улиц, окаймленных молчаливыми рядами домов. Вздогнув, Мейсон пустился вдогонку пузырящемуся потоку, но море ускользало, то прячась за углом какого-то дома, то утекая в щели под дверями гаражей. К концу улицы спринтерский бег потерял всякий смысл... ибо небесный отблеск, мелькнув за церковным шпилем, окончательно угас. Измученный Мейсон вернулся в постель, и звук умирающих волн до утра наполнял его сердце.

– Знаешь, я снова видел море, – сказал он жене за завтраком.

– До ближайшего не меньше тысячи миль, Ричард, – спокойно проговорила Мириам. Она внимательно разглядывала мужа, поглаживая длинными, бледными пальцами иссиня-черный завиток волос. – Выйди на улицу и убедись. Здесь нет никакого моря.

– И тем не менее, дорогая, я ВИДЕЛ его.

– Но, Ричард!..

Встав, Мейсон с неуклюжей торжественностью протянул к ней руки.

– Мириам, брызги были на моих ладонях, волны разбивались прямо у моих ног. Таких снов не бывает.

– И тем не менее, дорогой, такое могло случиться только во сне.

Мириам, с ее длинными локонами цвета воронова крыла и нежным овалом лица, в алом пеньюаре, не скрывающем гордой линии шеи и прозрачной белизны груди, как никогда, напомнила Мейсону застывшую в традиционной позе даму с портрета эпохи прерафаэлитов.

– Ричард, тебе необходимо показаться доктору Клифтону. Это начинает меня тревожить.

Он улыбнулся, глядя в окно на коньки крыш дальних домов, выступающие над кронами деревьев.

– Право, не стоит беспокоиться. На самом деле все очень просто. Я слышу шум моря и выхожу поглядеть, как лунный свет играет на волнах, а затем благонаравно возвращаюсь в постель. – Тень утомления скользнула по его лицу; Мейсон, высокий, привлекательный мужчина, был от природы хрупкого сложения, и к тому же не вполне оправился от серьезного недуга, из-за которого полгода провел дома в постели. – Но что действительно любопытно, – медленно продолжил он, – так это потрясающая люминесценция... Готов поклясться, содержание солей в морской воде гораздо выше нормы.

– Но, Ричард... – Мириам беспомощно огляделась, потрясенная ученым хладнокровием супруга. – Моря нет, оно только в твоей голове! Его никто не видит и не слышит.

Мейсон задумчиво кивнул.

– Да, возможно. Возможно, что пока никто.

Кушетка – одр долгой болезни – по-прежнему стояла в углу кабинета, рядом с книжным шкафом. Присев, он привычно протянул руку и снял с полки гладкую на ощупь, массивную окаменелость – раковину какого-то вымершего на заре мира моллюска. Зимой, когда Мейсону не позволяли вставать с постели, этот витой – подобно трубе Тритона – конус стал для него источником нескончаемых наслаждений – рождая цепочки прихотливых ассоциаций, уводящих то в моря античности, то к сокровищам затонувших кораблей... Бездонный рог изобилия, полный красок и звуков! Бережно взвесив на ладони редкий дар природы – изысканно-двусмысленный, как мраморный обломок античной богини, найденный ненароком в русле высохшего ручья, – Мейсон ощутил его капсулой времени, концентратом сущности иной вселенной... и почти поверил, что сам выпустил из него ночное море, нажав по неведению на тайный завиток.

Жена вошла следом и, быстро задернув занавески, словно желая вернуть мужа в сумеречную атмосферу болезни, положила руку на его плечо.

– Послушай, Ричард, разбуди меня... когда услышишь море. Мы посмотрим вместе.

Он осторожно уклонился от ее рук.

– Понимаешь, Мириам... Не так уж важно, увидишь ты что-нибудь или нет. Главное, что я это вижу.

Выйдя на шоссе, он остановился на том же месте, отку-

да прошлой ночью наблюдал за наступлением волн. Судя по доносящимся звукам, пребывание в пучине никак не сказалось на привычной деятельности жителей окрестных домов. Сухая трава заметно поблекла от июльской жары, и многие занялись поливкой газонов – сверкающие упругие струи, маленькие радуги в облачках брызг. Между пожарным гидрантом и деревянной оградой лежал глубокий, не потревоженный слой пыли, и Мейсон вспомнил, что дождей не было с ранней весны.

Отсюда улица – а точнее, один из дюжины загородных бульваров, обрамляющих город по периметру, – спускалась в северо-западном направлении и примерно через три сотни ярдов вливалась в небольшую площадь у здания торгового центра. Заслонив глаза ладонью, он взглянул на украшенную часами башенку библиотеки, на церковный шпиль – и узнал протуберанцы, нарушавшие пустынную морского простора... все совпадает.

Там, где стоял Мейсон, на дороге, ведущей к торговому центру, имелся некий перепад, отмечающий – по странному стечению обстоятельств – границу береговой линии, буде местность окажется действительно затопленной. Этот уступ, отстоящий примерно на милю от окраинных кварталов, охватывал кольцом огромную естественную ванну – аллювиальную равнину, на которой стоял город. Дальнюю сторону гигантского кольца венчал белесый каменный выступ – сложенный меловыми пластами холм.

Хотя городская панорама мешала разглядеть подробности, Мейсон признал в нем тот самый мыс, что высился неприступной цитаделью над штурмующими склоны волнами: взлетев, пышные султаны брызг нехотя никли, возвращаясь в родную стихию с почти гипнотической неспешностью. Ночью он казался выше... мрачный, не тронутый временем бастион, грудью встречающий море. Однажды вечером, пообещал себе Мейсон, он непременно отправится к холму — чтобы пробудиться от грохота волн на его вершине.

Вильнув, его объехал автомобиль, и человек за рулем бросил удивленный взгляд на чудака, пялящего глаза на город, стоя посреди проезжей части. Не желая усугублять свою здешнюю репутацию довольно эксцентричной персоны (да-да, этот необщительный умник, муж очаровательной, но — ах — бездетной миссис Мейсон), он свернул на бульвар, параллельный кольцевой гряде водораздела, и медленно двинулся к далекому холму, время от времени пытаясь разглядеть внизу, в котловине, следы деятельности потопа. Нет, ни поваленных фруктовых деревьев, ни покореженных автомашин... а ведь вся округа побывала под бурлящей водой.

Хотя море впервые показало себя всего три недели назад, за это время Мейсон окончательно убедился в полной достоверности происходящего. Он усвоил, что ночное появление и последующее стремительное отступление моря не оставляет на сотнях поглощенных им домов ни малейшего следа, и перестал беспокоиться о тысячах утопленников, кото-

рые предположительно продолжали мирно спать в огромной, жидкой морской колыбели... пока сам он глядел на сияние волн над городскими крышами. И однако, невзирая на явный парадокс, его убежденность продолжала крепнуть – и наконец вынудила рассказать Мириам, как однажды ночью, разбуженный звуками прибоя, он выбежал на улицу и встретился с морем в соседних проулках.

Жена понимающе, чуть снисходительно улыбнулась странной фантазии – наглядной иллюстрации странности его замкнутого внутреннего мира. Однако три ночи спустя Мириам проснулась как раз в тот момент, когда он, вернувшись, запирает дверь на замок, и вид Мейсона – востропанного, потного, с трудом переводящего дыхание, напугал ее не на шутку, так что весь следующий день она, вздрагивая, украдкой косилась в окно. Впрочем, страшило Мириам не столько само видение, сколько абсолютное, необъяснимое спокойствие мужа перед надвигающимся апокалипсисом собственной личности.

Утомившись прогулкой, Мейсон присел на низкий декоративный барьерчик, укрытый зарослями рододендронов, и несколько минут бездумно ворошил прутиком сухой белый песок, поблескивающий у ног. Бесформенный, пассивный минерал – однако же излучает что-то вроде странного, концентрированного внутреннего света... что-то, роднящее его с ископаемой ракушкой.

Впереди дорога, повернув, ныряла вниз, уходя к равнин-

ным полям, и на фоне ясного неба вздымался – уже заметно ближе – меловой отрог в кружевной мантии зеленого дерна. У вершины Мейсон углядел подсобный вагончик, ограждение, воздвигнутое вокруг темной дыры пробитой шахты, и кучку крошечных человечков, суetyащихся у металлической конструкции подъемника. Что там происходит, хотелось бы знать? Наблюдая, как миниатюрные рабочие один за другим исчезают в шахте, Мейсон пожалел, что отправился пешком, не догадавшись воспользоваться автомобилем жены.

Пока он, как обычно, весь день работал в библиотеке, сценка из загадочной пантомимы вновь и вновь вставала перед его глазами, заслоняя воспоминания о лижущих улицы волнах и неотвязную мысль о том, что кто-то еще должен был ощутить присутствие моря.

Поднявшись в спальню, Мейсон увидел, что Мириам, в полной экипировке и с выражением мрачной решимости на лице, сидит в кресле у окна.

– Что-то случилось?

– Я жду.

– Ждешь? Чего же?

– Явления моря, разумеется! Не обращай внимания, ложись спать. Я посижу в темноте.

– Мириам... – Мейсон устало ухватил ее за руку и попытался вытащить из кресла. – Ну что ты хочешь этим доказать?!

– Разве ты не понимаешь?

Мейсон сел на кровать. Почему-то – он и сам толком не знал почему – ему хотелось как можно дольше удерживать жену подальше от моря... и дело тут было не только в ее безопасности.

– Это ты не понимаешь, Мириам. Возможно, я и впрямь не вижу его в буквальном смысле слова. Может статься, это... – он запнулся, но быстро сымпровизировал, – всего лишь галлюцинация, или сон, или...

Мириам упрямо покачала головой, изо всех сил вцепившись в ручки кресла.

– Я так не думаю. В любом случае я намерена выяснить все возможное.

Мейсон, вздохнув, растянулся поверх одеяла.

– Мне кажется, дорогая, ты подходишь к проблеме не с той стороны...

Мириам резко выпрямилась.

– Нет уж, Ричард! Подумать только, какой ты спокойный и ироничный, как хладнокровно рассуждаешь, как сжился со своей маленькой неприятностью... прямо как с легкой мигренью. Вот что ужасно! Бойся ты до смерти этого моря, я бы и беспокоиться не стала!..

Через полчаса ему все же удалось уснуть – под присмотром жены, чьи глаза следили за ним из темноты.

Отдаленное бормотание волн, шипение бегущей пены... Мейсон пробудился ото сна – где грохотал прибой и бурлили глубокие воды, выбрался из-под одеяла и быстро оделся.

Мириам, озаренная слабым сиянием облаков, тихо спала в кресле, и яркий лунный луч перечеркивал ее нежное горло.

Бесшумно ступая босыми ступнями, он вышел на крыльцо, бросился навстречу волнам, достиг мокрой, глянцевитой линии прибоя, поскользнулся – и вал ударил его с утробным ревом. Упав на колени, Мейсон ощутил, как алмазный холод воды, кипящей мельчайшими живыми организмами, резко стиснул грудь и плечи и, на миг задержавшись, отхлынул, втянутый жадной пастью новой волны. Стоя в мокром костюме, липнущем к телу словно утонувшее животное, Мейсон видел, как белые в лунном свете дома ушли в морскую глубину – подобно пышным дворцам Венеции или забытым некрополям затерянных островков... но гораздо быстрее. Только церковный шпиль одиноко торчал над водой, поднявшейся на добрые двадцать ярдов выше, так что брызги долетали чуть ли не до порога его собственного дома.

Мейсон, дождавшись интервала между двумя волнами, перебежал на ту улицу, что тянулась в направлении дальнего мыса, и помчался, шлепая по воде, уже полностью залившей мостовую. Мелкая зыбь звонко шлепала о ступеньки домов.

До мыса оставалось еще полмили, когда он различил гулкий грохот большого прибоя, почувствовал мощное движение глубоких вод и, задохнувшись, прислонился к изгороди, а холодная пена продолжала шипеть у ног, и подспудное течение настойчиво увлекало за собой. Он поднял голову – и в отраженном сиянии, льющемся с небес, разглядел над мо-

рем неясную человеческую фигуру. Женщина! Одета в какую-то долгую, черную, свободно развевающуюся хламиду, она стояла на каменном парапете, ограждающем обрыв холма; длинные, белые в лунном свете волосы вольно бились на ветру, а далеко внизу, под ее ногами, сияющие волны-акробаты неистово скакали и крутились колесом.

Мейсон побежал. Дорога повернула, выросшие дома заслонили панораму, еще раз мелькнул и окончательно пропал вознесенный над морем белый ледяной профиль... прибой притих и попятился, море стремительно уходило в проезды меж домов, унося с собой весь свет, всю мощь этой ночи. Последние пузырьки пены расплылись на мокром асфальте.

Он поискал женщину у холма – тщетно. Одежда просохла, пока он добирался домой, запах йода бесследно истаял в ночи.

– Ты была права, дорогая, – сказал он утром Мириам, – это все-таки был сон. Думаю, море ушло навсегда. По крайней мере, сегодня я его не видел.

– Слава Богу! Ты уверен, Ричард?

– Абсолютно, – Мейсон поощрительно улыбнулся. – Спасибо, любовь моя, что охраняла мой сон.

– И опять сделаю то же самое. – Она выставила ладонь, отмечая поспешные возражения, – Нет, я просто настаиваю! Я прекрасно себя чувствую и желаю покончить с этим раз и навсегда. – Придвинув чашку кофе, Мириам вдруг нахмурилась. – Забавно, но раз или два мне самой показалось, что

я слышу шум моря. Такой странный звук, очень далекий и... древний, что ли... словно прошел через миллионы лет.

По пути в библиотеку Мейсон совершил преднамеренный крюк в сторону мелового обнажения и притормозил машину вблизи места, где ночью в свете луны маячила фигура бело-волосой женщины. Теперь, при свете солнца, на склоне бледно зеленела короткая травка и чернело устье шахты, вокруг которого продолжалась некая, на первый взгляд лишенная смысла активность.

Минут пятнадцать он медленно утюжил окрестные улицы, заглядывая в распахнутые окна кухонь... почти наверняка она живет в каком-то из этих домов... наверное, как раз стоит у плиты, накинув фартук прямо на тот черный балахон?

Подъехав к библиотеке, Мейсон узнал припаркованный там автомобиль (он только что стоял у холма). Водитель – немолодой мужчина в твидовом костюме – внимательно изучал витрины с образчиками местных краеведческих открытий.

– Кто это? – спросил Мейсон хранителя древностей Феллоуза, когда посетитель отбыл. – По-моему, я видел его у обрыва.

– О, это профессор Гудхарт, палеонтолог. Кажется, его экспедиция вскрыла довольно интересный костный слой. Если повезет, мы сможем пополнить наши фонды, – и Феллоуз широким жестом указал на скромную коллекцию, состав-

ленную преимущественно из фрагментов челюстных и больших берцовых костей.

Мейсон усталился на кости со странным ощущением, что в его мозгу замкнулось какое-то реле.

Каждую ночь море, выливаясь из темных улиц, подходило все ближе к дому Мейсона. Стараясь не потревожить мирно спящую жену, он выходил и упрямо брел по глубокой воде к дальнему мысу. Каждую ночь он видел женщину на краю обрыва – белые волосы, белое лицо, поднятое навстречу фонтанам брызг. Каждую ночь прибой уходил раньше, чем он успевал добраться до холма, и тогда, измученный, он падал на всплывающую из воды мокрую мостовую.

Однажды его – лежащего пластом посреди дороги – осветили фары патрульной машины, и пришлось что-то объяснить недоверчивым полицейским. В другой раз он позабыл запереть за собой входную дверь, и за завтраком Мириам поглядела на него с прежним беспокойством, заметив наконец темные круги вокруг глаз мужа.

– Мне кажется, дорогой, тебе не стоит столько времени проводить в библиотеке. Ты выглядишь ужасно. Что, опять снится море?

Мейсон покачал головой, выдавив принужденную улыбку.

– Да нет, с этим покончено. Наверное, я действительно слишком много работаю.

– Боже, а это что такое?!

Мириам схватила его за руки и внимательно осмотрела

ладони.

– Ты упал? Царапины совсем свежие... Как это случилось, Ричард?

Мейсон, думая о своем, рассеянно сплел какую-то довольно правдоподобную байку и отправился с чашкой кофе в кабинет. Со своей кушетки он видел над крышами города легкую золотистую утреннюю дымку – целый океан мягкого сияния, заполняющий собою ту же огромную чашу, что ночное море. Но туман быстро таял, реальность вновь вступала в свои права, и сердце Мейсона на миг сжала острая тоска.

Импульсивно он протянул руку к книжной полке, но отдернул, не коснувшись окаменелости. Рядом стояла Мириам.

– Омерзительная вещица, – заметила она. – Как по-твоему, Ричард, что могло вызвать твои кошмары?

– Кто знает... Наверное, что-то вроде генетической памяти, – он пожал плечами. Может быть, все-таки рассказать? Про то, что море по-прежнему наступает, про беловолосую незнакомку над обрывом, которая словно манит его к себе... Но Мириам, как истая женщина, полагала, что в жизни мужа должна существовать лишь одна загадка – она сама. Некая извращенная логика подсказывала Мейсону, что потеря самоуважения вследствие полной материальной зависимости от жены дает ему законное право кое-что утаить от нее.

– Ричард?..

Перед его внутренним взором обольстительница-волна

пылко развернула прозрачный веер брызг.

На лужайке перед домом оказалось по пояс воды. Сняв пиджак, он отшвырнул его в мелко волнующуюся зыбь и пошел вброд. Прибой – сегодня волны были гораздо выше, чем обычно, – разбивался о самый порог дома, но Мейсон совсем забыл про Мириам. Он шел, не отрывая глаз от мыса, где бушевал такой шторм брызг, что едва удавалось разглядеть одинокий силуэт на его гребне.

Автоматически следуя привычному маршруту, временами по горло проваливаясь в горько-соленую воду, где кружили мириады крошечных светящихся созданий, Мейсон, почти без сил добрался до подножия холма и упал на колени, ощущая острую резь в глазах.

Зачарованный музыкой моря – пением ветра и басовым аккомпанементом прибоя, он атаковал мыс с фланга, почти ослепленный бесчисленными отражениями луны в морской воде. В тот миг, когда Мейсон выбрался на гребень, черный балахон, взметнувшись, скрыл лицо женщины, но он разглядел высокую, прямую фигуру и длинные худые ноги. Неожиданно она отвернулась и, словно поплыв над парашютом, начала медленно удаляться.

– Стой! – Крик унес ветер. – Не уходи!

Мейсон, задыхаясь, кинулся вслед – и тогда она обернулась и взглянула на него в упор. Длинные белые волосы – серебряные султаны брызг – взлетели на ветру... черные провалы глаз, ощеренный рот. Скрюченные пальцы – связка бе-

лых костей – метнулись к его лицу... и жуткое создание, вспорхнув гигантской птицей, понеслось куда-то в крутящуюся мглу.

Оглушенный пронзительным воплем, Мейсон – так и не поняв, кто кричал, он сам или призрак – попятился, споткнулся, попытался удержаться на ногах... поскользнулся, ударился о деревянную рейку. Врезавшись спиной в жерло шахты, под звон цепей и блоков он плашмя летел навстречу волнам, глухо бухающим в ее непроглядной глубине.

Выслушав объяснения полицейского, профессор Гудхарт покачал головой.

– Боюсь, что ничем не могу помочь вам, сержант. Мы целую неделю работаем на дне шахты, и никто туда не падал, – Он взглянул на свободно болтающийся конец одной из хлипких деревянных реек. – Тем не менее... спасибо, что предупредили. Если, как вы говорите, этот лунатик бродит по ночам, необходимо укрепить ограждение.

– Ну, не думаю, что его сюда занесет, – заметил сержант. – Не так-то легко к вам взобраться. – Помолчав, он добавил: – Знаете, я наводил о нем справки в библиотеке, и мне сказали, что вчера вы нашли в шахте два скелета. Конечно, парень пропал всего два дня назад, но все же... Может быть, один из этих скелетов?.. Какая-то природная кислота или что-нибудь в этом роде? – Он пожал плечами.

Профессор постучал каблуком о породу.

– Чистый карбонат кальция, толщиной около мили, обра-

зовался в триасе двести миллионов лет назад. На этом месте было большое внутреннее море. Насчет скелетов. Это кроманьонцы, мужчина и женщина... по-видимому, из племени рыбаков, обитавших здесь, когда море уже начало высыхать. – Он помолчал. – Думаю, я должен признаться, что не могу объяснить, каким образом эти кроманьонские останки оказались в брекчии... но это моя проблема, не ваша.

Вернувшись к патрульной машине, сержант покачал головой. Пока они ехали обратно, он задумчиво разглядывал бесконечную череду уютных загородных домов.